

НЕКРАСОВ И ТЕАТР

«Водевиль есть вещь, а прочее все гиль!»,— уверял еще грибоедовский Репетилов. И уверял не без оснований. Увлечение водевилем определяло репертуар и вкус зрителя того времени. Дать этому увлечению отдал и Некрасов. Часть биографов считает необходимым «оправдать» в данном случае Некрасова. И считает побудительной причиной, толкнувшей его временно на водевильный путь—нужду. Конечно, Некрасов на заре своей литературной карьеры нуждался. И как еще! Панаева в своих «Воспоминаниях» рассказывает, как однажды Белинский за обедом у них горячо сцепился с Боткиным, когда тот стал перемывать косточки Некрасова за сочинение водевилей, вернее, за переделку французских водевилей «на русские нравы с кушлетами»!

— Эх, господа! Вы вот радуетесь, что проголодались и с аппетитом будете есть вкусный обед, а Некрасов чувствовал боль в желудке от голода, и у него черствого куска хлеба не было, чтобы замолчать эту боль...

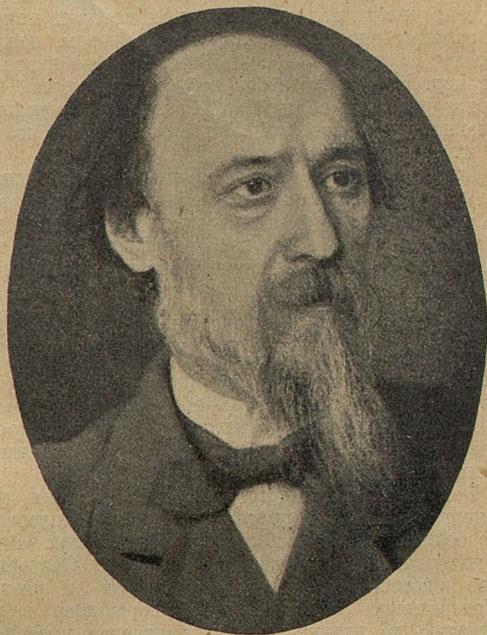
Но не думаю, чтобы одними карманными соображениями можно было объяснить водевильную полосу Некрасова. Некрасов был театралом. И страстным театралом. А в кругу дворянской молодежи того времени, весьма близкой к театру, поскольку и сам театр был по существу дворянским, шло страстное увлечение кулисами. Сочинить водевиль к бенефису актера, особенно актрисы, считалось хорошим тоном—«водевиль есть вещь, а прочее все гиль». Если представители поместной или гвардейской молодежи делали это безвозмездно и даже покупали водевили для своего «предмета», выдавая их за «собственное сочинение», то у Некрасова этот момент соединялся еще с моментом профессиональным—необходимостью жить от литературного заработка. И вот этого «отца» не могли ему простить и судачили не столько по поводу водевилей, которыми все они грешили, сколько по поводу их, как источника существования. Водевильный дилетантизм—пожалуйста, а водевильный оброк, поденщина—позор. Это то, что коробило деликатный барский нос «отцов». То, чего сии «благородные любители российского слова» и в дальнейшем по разным поводам не могли забыть «дворянину» Некрасову, ставшему на сторону «пахнущих клопами» (по выражению Боткина) разночинцев Чернышевского и Добролюбова.

*

25 апреля 1841 года в Петербурге на афише Александринского театра значился водевиль Н. Перепельского «Шила в мешке не утаишь, девушку под замком не удержишь». Имя Перепельского было известно публике по рассказам, печатавшимся в «Пантеоне» и «Литературной газете». Но только тогда, когда в директорской ложе на аллюдиенты появился взволнованный автор—псевдоним был раскрыт. Это был Некрасов.

О том, какую роль играли тогда водевили, скажет хотя бы такая справочка. За октябрь 1840 г. в Александринском театре было поставлено 25 спектаклей. Большинство из них состояло из драмы или легкой комедии и двух водевилей. Но десять спектаклей за этот месяц состояли только из водевилей. Подсчитайте.

Или такой случай. В начале 1841 года в бенефис известного Каратыгина шел «Кориолан» Шекспира. Сбор полный. На следующем спектакле того же «Кориолана»—пусто. Почему?—

Очень просто.—«Кориолан» повторялся без водевилей «Молодой человек в 60 лет» и «Тарантелла», которые шли в первом спектакле. Водевиль определенно перетянул Шекспира.

Водевиль Некрасова имел успех. Его одобрили «Отечественные записки». Вокруг «Шила» завязалась даже полемика. «Северная пчела» раскрыла псевдоним Перепельского, указывая, что Некрасов «вступил на новое поприще, обещающее в нем дарование неподдельное». «Отечественные записки» ополчились на «Северную Пчелу», считая разоблачение псевдонима недопустимым: «литература имеет свои законы приличия, нарушение которых обнаруживает грубость, невежество и страсть к сплетне». «Северная Пчела» в свою очередь возражала, что псевдоним-де раскрыла не она, а сам автор, появившийся перед публикой.

Театральный успех пьянит.

Через две недели свет рампы увидел новый водевиль Некрасова «Феокист Онуфриевич Боб, или муж не в своей тарелке». На этот раз неудача. «Мы так верим,—пишет «Северная Пчела»,—в талант г. Перепельского или лучше сказать г. Некрасова, что не станем с ним церемониться и скажем прямо, что есть на душе. «Феокист Онуфриевич Боб» не удался ему. Нам страшно вот что: Некрасов отдал в две недели на сцену два водевиля и оба в бенефисы: он имел успех, по крайней мере, в первом водевиле—прекрасно, но горе ему, если он увлечется этим первым успехом и примет на себя роль заказного водевилиста».

В июле того же 1841 года Некрасов заканчивает третий водевиль, точнее приспособляет его с французского. Название этого водевиля: «Вот что значит влюбиться в актрису». «Знаете ли вы,—пишет рецензент «Литературной Газеты»,—что значит влюбиться в актрису? Это значит потирать ум для того, кто его имеет; сунуться с головой в омут, откуда нет спасенья; каждый вечер разжигать свою страсть, свое воображение и каждое утро разочаровываться; любить красоту в

виде румян и белил; обожать ум в виде заученных фраз и звучных стихов, над которыми потел другой; увлекаться улыбкой, под которой нередко скрывается злоба к суфлеру... словом, делать тысячу глупостей—вот что значило влюбиться в актрису. Но нет худа без добра; этот случай подарил русскую сцену премильным преумным водевилем, за который мы опять-таки обязаны Н. А. Перепельскому.

Еще два произведения «Актёр» и «Бабушкины попутай» заканчивают серию водевилей, вышедших из-под пера Некрасова и отмеченных датой все того же 1841 года. «Северная Пчела» начинается довольно энергичный обстрел драматических опытов Некрасова, не останавливаясь даже перед обвинением в плагиате. Некрасов, говорит «Пчела», водевили, переведенные и слегка переделанные с французского, выдает за оригинальные. А что касается «Бабушкиных попутай»—это уж совсем непонятно,—они будто бы повторяют содержание «Дедушкиных попутай» Хмельницкого, но «без очаровательной грации и наивности этого автора».

В процессе годичного увлечения лаврами драматурга Некрасова перевел еще с французского две больших пьесы «Кольцо маркизы» или «Ночь в хлопотах» и известную мелодраму «Материнское благословенье» или «Бедность и честь». «Материнское благословенье» удержалось в репертуаре до наших дней и считается классическим образцом старинной французской мелодрамы «с кушетами». Она имела когда-то очень большой успех в Малом театре. Трогательную роль молодой обольщенной маркизом савоярки любила играть покойная Комиссаржевская.

На этом Некрасов и подвел черту своей деятельности, как драматурга, ограничившись ук-

занными семью пьесами. Перед молодым поэтом маячили уже другие пути, другие люди, другие песни... «Современник», Белинский, Чернышевский, Добролюбов, увлеченные социалистическими идеями... И водевили Перепельского оставались позади, как «грехи молодости».

*

Уже позже, в пору зрелых итогов, Некрасов сознавался в своей юношеской приверженности воздуху кулис:

Отрада юношеских лет,
Подрута идеалам,
О, сцена, сцена—не поэт,
Кто не был театралом;
Кто не сдавался в милый плен,
Не рвался за кулисы,
И не платил громадных цен
За кресло в бенефисы;
Кто по часам не ожидал
«Зеленую карету»
И водевилей не писал
На бенефис предмету...

Были ли такие «предметы» у Некрасова? Надо полагать—раз он чуть ли не в программу «русской поэтики» своего времени вводит писанье водевилей «на бенефис предмету». Возможно даже, что это играло и не последнюю роль в том припадке водевильного творчества, которым отмечен в его жизни 1841 год.

Уже и впоследствии, как прославленный поэт, он сохраняет любовь к огням рампы и среди «песен мести» отзывается трогательным стихотворением на смерть известной водевильной артистки Асенковой, сравнивая ее жизнь с мельнувшей в ночи звездочкой:

Н. А. НЕКРАСОВ

КАК УБИТЬ ВЕЧЕР

Из черновых рукописей неоконченной драматической поэмы „Медвежья охота“

КНЯЗЬ СУХОТИН. Грушин!

(Лесничий подходит).

Прошу вас за народом присмотреть,
Чтоб не шумели, к кругу подходя,
И верно цепь держали. Очень рад,
Что вы случились тут. Вы местный житель,
Вы знаете охоту, присмотрите,
Чтоб не было мальчишек мелких. Глупо
Спасности их подвергать; притом
Они и пользы принести не могут.

(К Остроухову и прочим охотникам)

А вас прошу не бегать с номером
Друг к другу; не закуривать сигар,
Мест не менять, за цепь не выдвигаться,
И метко, разумеется стрелять.
Ханевич! Можешь ты при мне остаться,
А вы подвиньтесь за последний номер.
ОСТАШОВ. Какой чудак! Он вздумал нас учить!
Серьезно в роль Директора он входит...
Мне нужно ад'ютанта отыскать.

(Уходит к народу).

МИША. Мне издали загонщиков толпа
Каким-то сбродом нищих показалась,
Оборванных, унылых, испитых...
Посмотрим ближе.

(Подходит к народу вместе с Остроуховым).

Осташов уж тут!

Уж он с прекрасным полом балагурит!
ОСТРОУХОВ (оглядывая народ). А, между
тем, как ближе подошел,

Так даже франтов вижу; вот сибирка
Суконная, вот городской бурнус.
Не сплошь больные, сумрачные лица,
С клеймом нужды нужды и горя. Чудеса!
Картина эта такова, что тут
Гробам бы только двигаться уместно,
И воздух этот тифом напоен,
К нему одни болезненные стоны
Идут, да бред со скрежетом зубов.
И в бедности здесь спорит человек
С природой, и решить никак не могут:
Она ли, он—бедней! А, между тем,
Довольные мы слышим голоса
И вольный смех! Я, право, удивлен.

О, молодость, о, сила, о, здоровье!
СУХОТИН. Старуха, эй, старуха! Покажись
Сюда, поближе. Нет, не та,—другая!
Другую мне,—вон ту, что унырнула
В толпу. (Мужики выводят старуху).

Поди, любезная, сюда!

Поди, не бойся! Как тебя зовут?

(Старуха усиливает
ся что-то говорить и,
вместо ответа, мычит.
Народ хохочет).

Немая!..

ГОЛОСА В НАРОДЕ. Да, она немая!

Не так ли звездочка в ночи
Срываясь, упадет
И на лету свои лучи
Последние роняет...

Смерти известной итальянской певицы Ан-
джелины Бозио, простудившейся по пути из
Петербурга в Москву, куда она ехала на концер-
ты, Некрасов посвящает лирические строки:

... чванный Петрополь
Не жалел ничего дня нес,
Но напрасно ты кутала в соболь
Соловьиное горло свое.
Дочь Италии! С русским морозом
Трудно ладить полуденным розам...

По поводу балетных «мужичков», усердно на-
саждаемых в «Коньках-Горбунках» модным тог-
да балетмейстером Петипа, Некрасов язвительно
советует ему:

Так танцуй же ты «Деву Дуная»,
Но в покое оставь мужика...

И еще много театральных «злоб» и строк най-
дем мы, перелистывая сочинения Некрасова.

Знаменитый В. В. Самойлов очень многим
обязан помощи Некрасова. Как это часто бывает,
«знаменитый» был довольно долгое время не
только не знаменитым, но и попросту незамет-
ным. Самойлов начинал в опере в 1833 году без
успеха. Вскоре он перешел в драму, где тоже
вначале ничем не выделялся. И только после
роли актера Стружкина в некрасовском водевиле
«Актер» начался перелом, артиста оценили, и он
стал быстро двигаться по лестнице славы. «Ак-
тер» был написан не только для Самойлова, но
и по просьбе его. Кроме «Перепельского» изве-
стен еще другой «театральный» псевдоним Не-
красова «Боб». Под этими псевдонимами юный,

голодалочий Некрасов печатался в сороковых го-
дах, в издаваемом книгопродавцем Поляковым
журнале «Пантеон русского и всех европейских
театров». Там же напечатаны и два его водевиля:
«Шила в мешке не утаишь» и «Актер».

ЭМ. БЕСКИН

КН. СУХОТИН. То-то!

Глядел я долго: шамкает губами
И рот кривит, а не выходит слов!
Немая! Вы неисправимы, Грушин:
Сам бог ее молчанию обрек,

А вы ее в кричане *) допустили.
ЛЕСНИЧИЙ. Я не заметил... Нищенка, без хлеба...
КН. СУХОТИН. Вы все одно: то соли нет, то
хлеба...

Ступай, ступай, любезная, домой!
(Потирает руки).

НАРОД. Она мычать горазда: замычит, —
Так никакой медведь не улежит.

К толпе загонщиков, запыхавшись
и отдуваясь, торопливо приближа-
ются пять человек, пришедшие той
же тропой, как и прежние.

ОКЛАДЧИК. Уж поздно, братцы: барин приказал,
Чтоб больше никого не принимали.
Народ сосчитан.

МУЖИКИ. Допусти, будь друг!

ОКЛАДЧИК. Не смею, — строго; вы сами попросите.
Авось, позволит.

МУЖИКИ. Это, что ли, он?

Нас гонят, мы маленько опоздали.
Сейчас пришли; уж как бежали мы!
Вели принять нас, будь отец!

(Кланяются).

СУХОТИН. Эй, Кондырев! Не брать, не брать,
Не надо!

Мы взяли, сколько нужно, — и конец!

*) Кричане — загонщик, гильзальщик, облав-
щик (Даль).

МУЖИК. Да нас, ведь, звали. Мы, не будь охоты,
Дрова возить бы нанялись сегодня.
СУХОТИН. Известье было с вечера дано,
Спаздывать не нужно. Эй, лесничий,
Возьмите их...

МУЖИКИ (почесываются). Эх! Э! Неладно
дело!

Мы погорельцы, батюшка, неделю
Тому назад сгорели; милость ваша
На бедность не пожалует ли нам?
(Протягивают руки).

СУХОТИН. Мы не затем приехали сюда,
Чтоб раздавать на бедность.
(К погорельцам). Спрячьте руки!
(К барону). Какой народ! Мороз невыносимый,
А он по локоть руку обнажил!

(К товарищам):

Пожалуйста, Кондратьев, не давай,
А то сойдется целый околоток.
Уж было раз такое приключение:
Чувствительный какой-то господин
На бедность подал... Что же, господа?
Как на второй загон мы торопились,
Нас целый околоток осадил
На той тропе, где надо было ехать,
И на медведя опоздали мы.

(Мужики уходят).

ОДИН ИЗ ТОЛПЫ (провожая их гла-
зами)

Пошли ни с чем, сердечные, а жаль:
Они, ведь, точно погорели.

ДРУГОЙ МУЖИК. Только
Осталось три двора, и вся деревня
В них кое-как теперь от стужи жметя.